

РОЖДЕНИЕ

рождение ребенка позволяет
двум смертным ощутить себя богами,
создавшими из праха человека.
в конце концов и он вернётся в прах.
но может подарить немного праха
тому, кто обрaстёт теплом и плотью
и даже станет на мгновенье богом,
хотя и он когда-нибудь умрёт.
зачем мне это знaньe, я не знаю.
зачем слова, которые оставляю,
когда меня среди людей не станет?
зачем я тоже должен умереть?
неужто это продолженье рода —
единственная правда, для которой
нам стоит жить? и почему наш Бог
так часто заменяет телом тело,
как будто просто не нашёл своё?
как будто Богу в наших неудобно,
темно от наших помыслов и страхов,
и Он всё ищет, ищет, ищет, ищет,
но не найдёт... несчастный, милый Бог.

растения из сада Прозерпины,
фиалка, ирис, роза, гиацинт,
в руках у смерти полные корзины:
цветочный мир — цветочный геноцид.

срезать живое — горестный обычай,
тем горестней, когда оно в цвету,
но разве у растений нет отличий
от девочек, играющих в саду?

лежать и вспоминать сюжеты книг.
устроить на обочине пикник,
сплавляться по реке с бездомным другом,
в три года втиснуть пятилетний план,
спасти землян от инопланетян,
бороться с неопознанным недугом.

в знак дружбы подарить индейцу скальп,
обжить пещеру на вершине Альп,
не избежать проклятья фараона,
спасти блондинку, оживить врага,
убить блондинку и уйти в бега...
ну что, опять проспал, наследник трона?

сегодня транспорт ходит плохо
зато какой сегодня день
сидишь читаешь Архилоха
в Фейсбуке постишь дребедень

с утра пораньше кофе сварить
и пару строчек черканёшь
и на секундочку представишь
что ты как Архилох хорош

достанешь с полки Архилоха
погладишь нежно корешок
сегодня транспорт ходит плохо
а дома архихорошо

бездействие как деяние,
пускай себе и орла,
и белое одеяние,
скрывающее крыла.

пока не в суме, не в коробе,
и молодость в их телах,
пока остальные голуби
не знают о вертелах.

один из огоньков Кассиопеи
прощается в туманное окно.
уже его мерцание скуперее,
уже вот-вот на нет сойдёт оно.

и что на самом деле там мерцало?
пустой туман за окнами стоит.
зачем ушло? кому оно мешало?
а тень у тела — славный спутник.

коридор кончается бесконечностью,
за которой стоит звезда.
ты сидишь, дуреешь с какой-то нечистью,
как давно ты попал сюда?

да и как сидишь — взад-вперёд болтаешься
от двери до другой двери.
говорят, что и та бесконечность — та ещё,
и звезда — с темнотой внутри.

и пока ты ждёшь, не подходит очередь,
не оставить ли всё как есть,
раз не станут там ни любить, ни потчевать?
ты заходишь. и вот я здесь.

Евгению Бесчастному

тот самый монументум,
да, воздвиг.
замызганный цементом,
он возник.

теперь тут ни проехать,
ни пройти,
ах, муза, что за прихоть,
прекрати.

зачем здесь эта дура
до небес?
нелепая фигура,
лишний вес.

а если к ней студенток
приведут?
я б в жизни не сидел так,
даже тут.

уродливое эго
на века,
Горациус, коллега,
нафига?

кому какое дело
до того,
что знало это тело
божество?

пока я кофе варю на кухне,
пока две нимфы за стенкой спят,
в окно луне говорю: «не тухни,
я тоже выйду в вишнёвый сад».

мы, может быть, не увидим фавна,
но поболтаем о том о сём.
ты в небе светишься триумфально,
а я всё думаю о простом.

какие ночи, луна, настали,
нас будто тянет на высоту,
а поменяйся с тобой местами,
весь век провёл бы в земном саду.

через мгновенье проснутя нимфы,
а я не помню их имена.
не покидая свои олимпы,
ты улыбаешься мне, луна.

кентавры или контролёры,
что все бегут как от огня?
я по делам другой конторы,
прошу, не трогайте меня.

будь я такой же, китоврасы,
бесплатно вас бы покатал,
но вы сегодня мимо кассы:
мой капитал — не капитал.

борюсь и я в известном роде,
держу стило наперевес.
а там, где мы сейчас выходим,
нас равно обступает лес.

широка страна моя родная
а другая также широка
и по этой и по той рыдая
протекает хищная река

на её берегах резвятся дети
подступая к пепельной воде
и приходят звери на рассвете
к лопухам и прочей лебеде

и на склоне что лежит полого
злой писака вечно в стороне
пишет что-то вроде эпилога
или некролога о стране

облако входит в облако,
облаком становясь.
что до стихов — два столбика,
чтобы наладить связь

с облаком, с небом, с космосом,
с теми, кто с нами врозь.
с тем, кто чудесным образом
всех нас прошёл насквозь.